Ханс Кристиан Андерсен

НЕМАЯ КНИГА

и другие редкие истории великого сказочника

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44
А 65

Перевод с датского Петра и Анны Ганзен

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации в тексте Ханса Тегнера, Франца фон Поччи,
Вильгельма Педерсена, Лоренца Флёриха

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30473-4

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

I. Для начала

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой Королевской площади. В одном доме собралось большое общество: приходится ведь время от времени принимать у себя гостей — примешь, угостишь и можешь, в свою очередь, ожидать приглашения. Часть общества уже уселась за карточные столы, другие же гости, с самой хозяйкой во главе, ждали, не выйдет ли чего-нибудь из слов хозяйки: «Ну, надо бы и нам придумать, чем заняться!» — а пока что беседовали между собою о том о сём.

Так вот разговор шёл себе помаленьку и, между прочим, коснулся Средних веков. Некоторые из собеседников считали эту эпоху куда лучше нашего времени; особенно горячо отстаивал это мнение советник Кнап; к нему присоединилась хозяйка дома, и оба принялись опровергать слова Эрстеда, доказывавшего в только что вышедшем новогоднем альманахе, что наше время в общем гораздо выше Средних веков. Самою лучшею и счастливейшею эпохой советник признавал времена короля Ганса.

Под шумок этой беседы, прерванной лишь на минуту появлением вечерней газеты, в которой, однако, нечего было читать, мы перейдём в переднюю, где висело верхнее платье, стояли палки, зонтики и калоши. Тут же сидели две женщины: молодая и пожилая, явившиеся сюда, по-видимому, в качестве провожатых каких-нибудь старых барышень или вдовушек. Вглядевшись в них попри-

стальнее, всякий, однако, заметил бы, что они не простые служанки; руки их были слишком нежны, осанка и все движения слишком величественны, да и платье отличалось каким-то особенно смелым, своеобразным покроем. Это были две феи; младшая если и не сама фея Счастья, то горничная одной из её камер-фрейлин, на обязанности которой лежала доставка людям маленьких даров счастья; пожилая, смотревшая очень серьёзно и озабоченно,

была фея Печали, всегда исполнявшая все свои поручения собственною высокою персоной: таким образом она по крайней мере знала, что они исполнены как должно.

Они рассказывали друг другу, где побывали в этот день. Горничной одной из камер-фрейлин феи Счастья удалось исполнить сегодня лишь несколько ничтожных поручений: спасти от ливня чью-то новую шляпу, доставить одному почтенному человеку поклон от важного ничтожества и т. п. Зато у неё было в запасе кое-что необыкновенное.

— Дело в том, — сказала она, — что сегодня день моего рождения, и в честь этого мне дали пару калош, которые я должна принести в дар человечеству. Калоши эти обладают свойством переносить каждого, кто наденет их, в то место или в условия того времени, которые ему больше всего нравятся. Все желания человека относительно времени или местопребывания будут, таким образом, исполнены, и человек станет наконец воистину счастливым!

— Как бы не так! — сказала фея Печали. — Твои калоши принесут ему истинное несчастье, и он благословит ту минуту, когда избавится от них!

— Ну вот ещё! — сказала младшая из фей. — Я поставлю их тут у дверей, кто-нибудь по ошибке наденет их вместо своих и станет счастливцем.

Вот такой был разговор.

II. Что случилось с советником

Было уже поздно; советник Кнап, углублённый в размышления о временах короля Ганса, собрался домой, и случилось ему вместо своих калош надеть калоши Счастья. Он вышел в них на улицу, и волшебная сила калош сразу перенесла его во времена короля Ганса, так что но-

ги его в ту же минуту ступили в невылазную грязь: в то время ведь ещё не было тротуаров.

— Вот грязища-то! Ужас что такое! — сказал советник. — Вся панель затоплена, и ни одного фонаря!

Луна взошла ещё недостаточно высоко; стоял густой туман, и всё вокруг тонуло во мраке. На ближнем углу висел образ Мадонны[1], и перед ним зажжённая лампада, дававшая, однако, такой свет, что хоть бы его и не было вовсе; советник заметил его не раньше, чем поравнялся с образом вплотную.

— Ну вот, — сказал он, — тут, верно, выставка картин и они забыли убрать на ночь вывеску.

В это время мимо советника прошли несколько человек, одетых в средневековые костюмы.

— Что это они так вырядились? Должно быть, на маскараде были! — сказал советник.

Вдруг послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, советник остановился и увидал странное шествие: впереди всех шли барабанщики, усердно работавшие палками, за ними — воины, вооружённые луками и самострелами; вся эта свита сопровождала какое-то знатное духовное лицо. Поражённый советник спросил, что означает это шествие и что это за важное лицо.

— Епископ Зеландский! — отвечали ему.

— Господи помилуй! Что такое приключилось с епископом? — вздохнул советник, качая головой. — Нет, не может быть, чтобы это был епископ!

Размышляя о только что виденном и не глядя ни направо, ни налево, советник вышел на площадь Высокого Моста. Моста, ведущего к дворцу, на месте, однако, не оказалось, и советник впотьмах едва разглядел какой-то широкий ручей да лодку, в которой сидели двое парней.

---

[1] Во времена короля Ганса в Дании господствовало католичество. — *Здесь и далее — примеч. перев., если не указано иное.*

— Господину угодно на остров? — спросили они.

— На остров? — сказал советник, не знавший, что блуждает в Средних веках. — Мне надо в Христианову гавань, в Малую Торговую улицу!

Парни только посмотрели на него.

— Скажите мне, по крайней мере, где мост! — продолжал советник. — Ведь это безобразие! Не горит ни единого фонаря, и такая грязь, точно шагаешь по болоту.

Но чем больше он говорил с ними, тем меньше понимал их.

— Не понимаю я вашей борнгольмщины![1] — рассердился он наконец и повернулся к ним спиной. Но моста ему так и не удалось найти; перил на канале тоже не оказалось.

— Ведь это же просто скандал! — сказал он.

Никогда ещё наше время не казалось ему таким жалким, как в данную минуту!

«Право, лучше взять извозчика! — подумал он. — Но куда же девались все извозчики? Хоть бы один! Вернусь на Новую Королевскую площадь, там, наверное, стоят экипажи! Иначе мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

[1] Борнгольмское наречие довольно отличается от господствующего в Дании зеландского наречия.

Он снова вернулся на Восточную улицу и уже почти прошёл её, когда над головой его всплыл полный месяц.

— Боже милостивый! Что это тут нагородили? — сказал он, увидев перед собой Восточные Городские ворота, которыми заканчивалась в те времена Восточная улица.

Наконец он отыскал калитку и вышел на нынешнюю Новую Королевскую площадь, бывшую в то время большим лугом. Кое-где торчали кусты, а посередине протекал какой-то ручей или канал; на противоположном берегу виднелись жалкие деревянные лачуги, в которых ютились лавки для голландских шкиперов, отчего и самое место называлось Голландским мысом.

— Или это обман зрения, фата-моргана, или я пьян! — охал советник. — Что же это такое? Что же это такое?

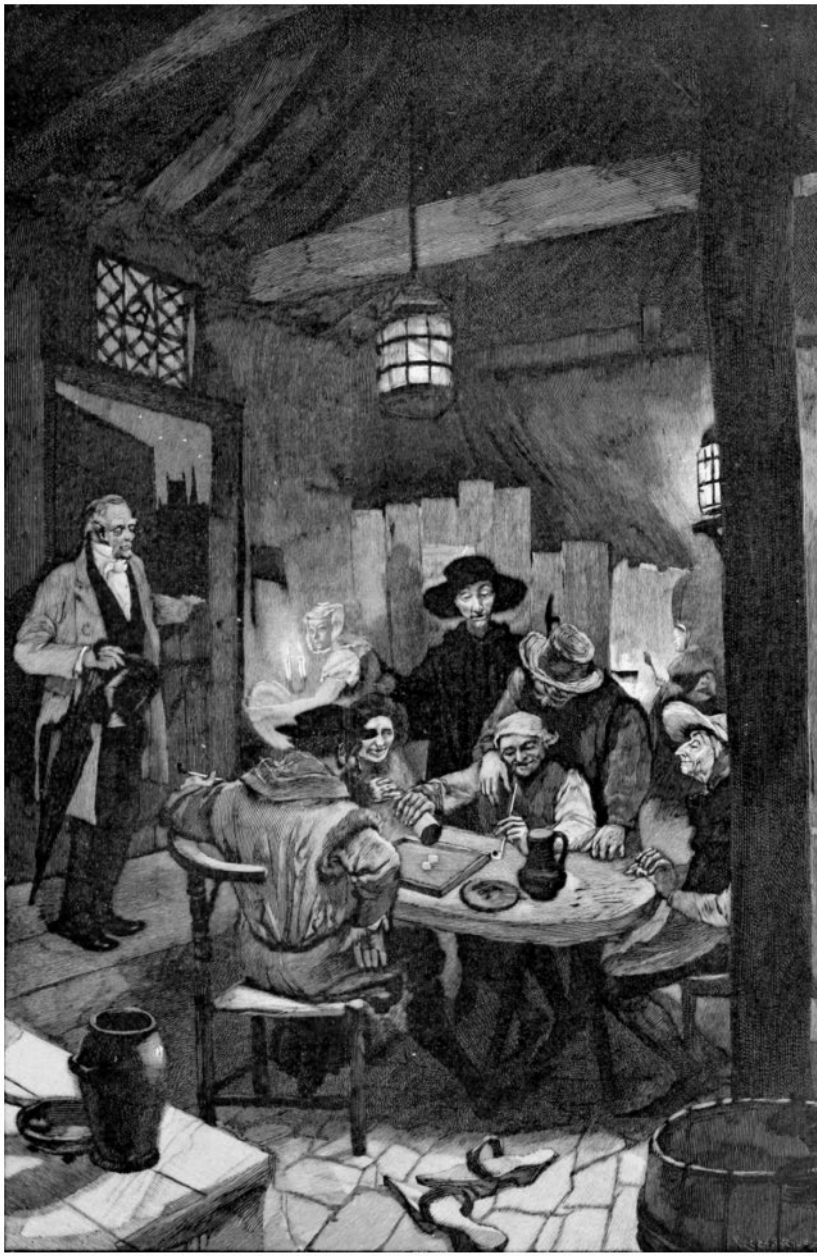
Он опять повернул назад в полной уверенности, что болен; на этот раз он держался ближе к домам и увидал, что большинство из них было построено наполовину из кирпичей, наполовину из брёвен и многие крыты соломой.

— Нет! Я положительно нездоров! — вздыхал он. — А ведь я выпил всего один стакан пунша, но для меня и этого много! Да и что за нелепость — угощать людей пуншем и варёной сёмгой! Я непременно скажу об этом агентше! Не вернуться ли мне к ним рассказать, что случилось со мной? Нет, неловко! Да и пожалуй, они улеглись!

Он поискал знакомый дом, но и его не было.

— Это ужас что такое! Я не узнаю Восточной улицы! Ни единого магазина! Повсюду какие-то старые, жалкие лачуги, точно я в Роскилле или Рингстеде! Ах, я болен! Нечего тут и стесняться! Вернусь к ним! Но куда же девался дом агента? Или он сам на себя не похож больше?.. А, вот тут ещё не спят! Ах, я совсем, совсем болен!

Он натолкнулся на полуотворённую дверь, из которой виднелся свет. Это была одна из харчевен тогдашней эпохи, нечто вроде нашей пивной. В комнате с глиняным

полом сидели за кружками пива несколько шкиперов и копенгагенских горожан и два учёных; все были заняты беседой и не обратили на вновь вошедшего никакого внимания.

— Извините! — сказал советник встретившей его хозяйке. — Мне вдруг сделалось дурно! Не наймёте ли вы мне извозчика в Христианову гавань?

Женщина посмотрела на него и покачала головой, потом заговорила с ним по-немецки. Советник подумал, что она не понимает по-датски, и повторил свою просьбу по-немецки; это обстоятельство в связи с покроем его платья убедило хозяйку, что он иностранец. Ему не пришлось, впрочем, повторять два раза, что он болен, — хозяйка сейчас же принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник опёрся головой на руку, глубоко вздохнул и стал размышлять о странном зрелище, которое он видел перед собой.

— Это вечерний «День»? — спросил он, чтобы сказать что-нибудь, увидав в руках хозяйки какой-то большой лист.

Она не поняла его, но протянула ему лист; оказалось, что это был грубый рисунок, изображавший небесное явление, виденное в Кёльне.

— Вот старина! — сказал советник и совсем оживился, увидав такую редкость. — Откуда вы достали этот листок? Это очень интересно, хотя, разумеется, всё выдумано! Как объясняют теперь, это было северное сияние, известное проявление воздушного электричества!

Сидевшие поближе и слышавшие его речь удивлённо посмотрели на него, а один из них даже встал, почтительно приподнял шляпу и серьёзно сказал:

— Вы, вероятно, большой учёный, monsieur?

— О нет! — отвечал советник. — Так себе! Хотя, конечно, могу поговорить о том и о сём не хуже других!

— Modestia[1] — прекраснейшая добродетель! — сказал собеседник. — Что же касается вашей речи, то mihi secus videtur[2], хотя я и охотно погожу высказывать своё judicium![3]

— Смею спросить, с кем я имею удовольствие беседовать? — спросил советник.

— Я бакалавр богословия! — отвечал собеседник.

Этого было для советника вполне довольно: титул соответствовал покрою платья незнакомца. «Должно быть, какой-нибудь сельский учитель, каких ещё можно встретить в глуши Ютландии!» — решил он про себя.

— Здесь, конечно, не locus docendi[4], — начал опять собеседник, — но я всё-таки прошу вас продолжать вашу речь! Вы, должно быть, очень начитанны в древней литературе?

— Да, ничего себе! — отвечал советник. — Я почитываю кое-что хорошее и из древней литературы, но люблю и новейшую, только не «Обыкновенные истории»[5], — их довольно и в жизни!

— «Обыкновенные истории»? — спросил бакалавр.

— Да, я говорю о современных романах.

— О, они очень остроумны и имеют большой успех при дворе! — улыбнулся бакалавр. — Королю особенно нравятся романы о рыцарях Круглого стола, Ифвенте и Гаудиане; он даже изволил шутить по поводу их со своими высокими приближёнными[6].

---

[1] Скромность *(лат.)*.

[2] Я другого мнения *(лат.)*.

[3] Суждение *(лат.)*.

[4] Место учёных бесед *(лат.)*.

[5] Здесь намекается на известный, произведший большую сенсацию роман датской писательницы г-жи Гюллембург «Обыкновенная история».

[6] Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что король Ганс, прочитав роман о рыцарях короля Артура, шутливо заметил своему любимцу Отто

— Этого я ещё не читал! — сказал советник. — Должно быть, Гейберг опять что-нибудь новое выпустил!

— Нет, не Гейберг, а Готфрид Геменский! — отвечал бакалавр.

— Вот кто автор! — сказал советник. — Это очень древнее имя! Так ведь назывался первый датский типограф!

— Да, это наш первый типограф! — отвечал бакалавр.

Таким образом, разговор благополучно поддерживался. Потом один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей несколько лет тому назад, то есть в 1484 году. Советник подумал, что дело шло о недавней холере, и беседа продолжалась.

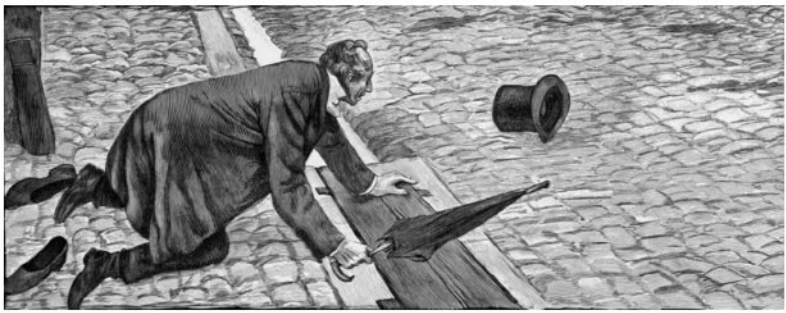
Мимоходом нельзя было не затронуть столь близкую по времени войну 1490 года, когда английские каперы захватили на рейде датские корабли, и советник, переживший события 1801 года, охотно вторил общим нападкам на англичан. Но дальше беседа как-то перестала клеиться: добряк-бакалавр был слишком невежествен, и самые простые выражения и отзывы советника казались ему слишком вольными и фантастическими. Они удивлённо смотрели друг на друга, и, когда наконец совсем перестали понимать один другого, бакалавр заговорил по-латыни, думая хоть этим помочь делу, но не тут-то было.

— Ну что, как вы себя чувствуете? — спросила советника хозяйка и дёрнула его за рукав; тут он опомнился: в пылу разговора он совсем забыл, где он и что с ним.

«Господи, куда я попал?»

И голова у него закружилась при одной мысли об этом.

Руду: «Эти господа Ифвент и Гаудиан были удивительными рыцарями; теперь что-то таких не встречается!» На это Отто Руд ответил: «Если бы встречалось много таких королей, как Артур, встречалось бы много и таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». — *Примеч. автора.*

— Будем пить кларет, мёд и бременское пиво! — закричал один из гостей. — И вы с нами!

Вошли две девушки; одна из них была в двухцветном чепчике[1]. Они наливали гостям и затем низко приседали; у советника дрожь пробежала по спине.

— Что же это такое? Что же это такое? — говорил он, но должен был пить вместе со всеми; они так приставали к нему, что он пришёл в полное отчаяние, и, когда один из собутыльников сказал ему, что он пьян, он ничуть не усомнился в его словах и только просил найти ему извозчика, а те думали, что он говорит по-московитски!

Никогда ещё не случалось ему быть в такой простой и грубой компании. «Подумаешь, право, что мы вернулись ко временам язычества. Это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову подлезть под стол, ползком добраться до двери и незаметно ускользнуть на улицу. Он уже был почти у дверей, как вдруг остальные гости заметили его намерение и схватили его за ноги. О счастье! Калоши снялись с ног, а с ними исчезло и всё колдовство!

Советник ясно увидел перед собой зажжённый фонарь и большой дом, он узнал и этот дом, и все соседние,

[1] В описываемую эпоху девушки предосудительного поведения обязаны были носить такие чепчики.

узнал Восточную улицу; сам он лежал на панели, упираясь ногами в чьи-то ворота, а возле него сидел и похрапывал ночной сторож.

— Боже ты мой! Так я заснул на улице! — сказал советник. — Да, да, это Восточная улица! Как тут светло и хорошо! Нет, это просто ужасно, что может наделать один стакан пунша!

Минуты две спустя он уже ехал на извозчике в Христианову гавань и, вспоминая доро́гой только что пережитые им страх и ужас, от всего сердца восхвалял счастливую действительность нашего времени, которая со всеми своими недостатками всё-таки куда лучше той, в которой ему довелось сейчас побывать. Да, теперь он сознавал это, и нельзя сказать, что поступал неблагоразумно.

III. Приключение ночного сторожа

— Никак пара калош лежит! — сказал ночной сторож. — Должно быть, того офицера, что наверху живёт. У самых ворот оставил!

Почтенный сторож охотно позвонил бы и отдал калоши владельцу, тем более что в окне у того ещё виднелся огонь, да побоялся разбудить других жильцов в доме и не пошёл.

— Удобно, должно быть, в таких штуках! — сказал он. — Кожа-то какая мягкая!

Калоши пришлись ему как раз по ногам, и он остался в них.

— А чудно, право, бывает на белом свете! Вот хоть бы офицер этот, шляется себе взад и вперёд по комнате, вместо того чтобы спать в тёплой постели! Счастливец! Нет у него ни жены, ни ребят! Каждый вечер в гостях! Будь я на его месте, я был бы куда счастливее!

Он сказал, а калоши сделали своё дело, и ночной сторож стал офицером и телом и душою.

Офицер стоял посреди комнаты с клочком розовой бумажки в руках. На бумажке были написаны стихи, сочинения самого г-на офицера. На кого не находят минуты поэтического настроения? А выльешь в такие минуты свои мысли на бумагу, и выйдут стихи. Вот что было написано на розовой бумажке:

«Будь я богат, я б офицером стал, —
Я мальчуганом часто повторял. —
Надел бы саблю, каску я и шпоры
И привлекал бы все сердца и взоры!»
Теперь ношу желанные уборы,
При них по-прежнему карман пустой,
Но ты со мною, Боже мой!
Весёлым юношей сидел я раз
С малюткой-девочкой в вечерний час.
Я сказки говорил, она внимала,
Потом меня, обняв, расцеловала.
Дитя богатства вовсе не желало,
Я ж был богат фантазией одной;
Ты знаешь это, Боже мой!
«Будь я богат», — вздыхаю я опять,
Дитя девицею успело стать.
И как умна, как хороша собою.
Люблю, люблю её я всей душою!
Но беден я и страсти не открою,
Молчу, вступить не смея в спор с судьбой;
Ты хочешь так, о Боже мой!
Будь я богат — счастливым бы я стал
И жалоб бы в стихах не изливал.
О, если бы сердечком угадала
Она любовь мою иль прочитала.
Что здесь пишу!.. Нет, лучше, чтоб не знала,
Я не хочу смутить её покой.
Спаси ж её, о Боже мой!

Да, такие стихи пишут многие влюблённые, но благоразумные люди их не печатают. Офицер, любовь и бедность — вот треугольник или, вернее, половинка разбитой игральной кости Счастья. Так оно казалось и самому офицеру, и он, глубоко вздыхая, прислонился головой к окну.

— Бедняк ночной сторож и тот счастливее меня! Он не знает моих мучений! У него есть свой угол, жена и дети, которые делят с ним и горе и радость. Ах, будь я на его месте, я был бы счастливее!

В ту же минуту ночной сторож стал опять сторожем: он ведь сделался офицером только благодаря калошам, но, как мы видели, почувствовал себя ещё несчастнее и захотел лучше быть тем, чем был на самом деле. Итак, ночной сторож стал опять ночным сторожем.

— Фу, какой гадкий сон приснился мне! — сказал он. — Довольно забавный, впрочем! Мне чудилось, что я будто бы и есть тот офицер, который живёт там, наверху, и мне было совсем невесело! Мне недоставало жены и моих ребятишек, готовых зацеловать меня до смерти!

И ночной сторож опять заклевал носом, но сон всё не выходил у него из головы. Вдруг с неба скатилась звезда.

— Ишь, покатилась! — сказал он. — Ну да их много ещё осталось! А посмотрел бы я эти штучки поближе, особенно месяц; тот уж не проскочит между пальцев! «По смерти, — говорит студент, на которого стирает жена, — мы будем перелетать с одной звезды на другую». Это неправда, а то забавно было бы! Вот если бы мне удалось прыгнуть туда сейчас, а тело пусть бы полежало тут, на ступеньках!

Есть вещи, которые вообще надо высказывать с опаской, особенно если у тебя на ногах калоши Счастья. Вот послушайте-ка, что случилось с ночным сторожем!

Все мы, люди, или почти все имеем понятие о скорости движения посредством пара: кто не езжал по желез-

ным дорогам или на корабле по морю? Но эта скорость всё равно что скорость ленивца-тихохода или улитки в сравнении со скоростью света. Свет бежит в девятнадцать миллионов раз быстрее самого резвого рысака, а электричество — так и ещё быстрее. Смерть — электрический удар в сердце, освобождающий нашу душу, которая и улетает из тела на крыльях электричества. Солнечный луч за восемь минут с секундами пробегает более двадцати миллионов миль, но электричество мчит душу ещё быстрее, и ей, чтобы облететь то же пространство, нужно ещё меньше времени.

Расстояние между различными светилами значит для нашей души не больше, чем для нас расстояние между домами наших друзей, даже если последние живут на одной и той же улице. Но такой электрический удар в сердце стоит нам жизни, если у нас нет, как у ночного сторожа, на ногах калош Счастья.

В несколько секунд ночной сторож пролетел 52 000 миль, отделяющих Землю от Луны, которая, как известно, состоит из менее плотного вещества, нежели наша Земля, и мягка, как только что выпавший снег. Ночной сторож очутился на одной из бесчисленных лунных гор, которые мы знаем по лунным картам доктора Медлера; ты ведь тоже знаешь их? В котловине, лежавшей на целую датскую милю ниже подошвы горы, виднелся город с воздушными, прозрачными башнями, куполами и парусообразными балконами, колыхавшимися в разряжённом воздухе; на взгляд всё это было похоже на выпущенный в стакан воды яичный белок; над головой ночного сторожа плыла наша Земля в виде большого огненно-красного шара.

На Луне было много жителей, которых по-нашему следовало бы назвать людьми, но у них был совсем другой вид и свой особый язык, и, хотя никто не может тре-

бовать, чтобы душа ночного сторожа понимала лунный язык, она всё-таки понимала его.

Лунные жители спорили о нашей Земле и сомневались в её обитаемости: воздух на Земле был слишком плотен, чтобы на ней могло существовать разумное лунное создание. По их мнению, Луна была единственною обитаемою планетой и колыбелью первого поколения планетных обитателей.

Но вернёмся на Восточную улицу и посмотрим, что было с телом ночного сторожа.

Безжизненное тело по-прежнему сидело на ступеньках, палка сторожа, или, как её зовут у нас, «утренняя звезда», выпала из рук, а глаза остановились на Луне, где путешествовала душа.

— Который час? — спросил ночного сторожа какой-то прохожий и, конечно, не дождался ответа. Тогда прохожий легонько щёлкнул сторожа по носу; тело потеряло равновесие и растянулось во всю длину — ночной сторож «был мёртв». Прохожий перепугался, но «мёртвый» остался «мёртвым»; заявили в полицию, и утром тело отвезли в больницу.

Вот была бы штука, если бы душа вернулась и стала искать тело там, где оставила его, то есть на Восточной улице! Она, наверное, бросилась бы в полицию, а потом в контору объявлений искать его в отделе потерянных вещей и потом уже отправилась бы в больницу. Не стоит, однако, беспокоиться; душа поступает куда умнее, если действует самостоятельно, — только тело делает её глупой.

Как сказано, тело ночного сторожа привезли в больницу и внесли в приёмный покой, где, конечно, первым долгом сняли с него калоши, и душе пришлось вернуться обратно; она сразу нашла дорогу в тело, и — раз, два — человек ожил! Он уверял потом, что пережил ужаснейшую ночь в жизни: даже за две серебряные марки не согласился

Андерсен Х. К.

А 65 «Немая книга» и другие редкие истории великого сказочника : сказки / Ханс Кристиан Андерсен ; пер. с дат. П. Ганзена, А. Ганзен. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 704 с. : ил.

ISBN 978-5-389-30473-4

Ханс Кристиан Андерсен стал не только основоположником авторской сказки, но и открыл её удивительную особенность — завораживать читателей всех возрастов. Там, где ребёнок видит приключение и смеётся над героями, взрослый замечает притчу и узнаёт в ней себя. Андерсен был тонким знатоком человеческой природы: он писал о бренности всего земного, о цене мечты, об одиночестве и о том, что «жизнь — чудеснейшая из сказок», но чудеснейшая именно в своей сложности.

В этот сборник вошли семьдесят четыре редкие и весьма страшные истории великого сказочника: «Маленький Тук», «Волшебный холм», «История одной матери», «Немая книга», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Калоши Счастья» и другие жемчужины его творчества, которые сегодня сложно найти на полках книжных магазинов. В них Андерсен предстаёт как философ, как человек, который умел говорить о самом трудном просто и легко.

Книгу дополняют рисунки Вильгельма Педерсена, Ханса Тегнера и Лоренца Фрёлиха — датских художников, чьи сильные, выразительные и атмосферные работы шикарно дополняют андерсеновскую мрачную эстетику и входят в золотой фонд мировой книжной графики.

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

Ханс Кристиан Андерсен

НЕМАЯ КНИГА
И ДРУГИЕ РЕДКИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО СКАЗОЧНИКА

Руководитель проекта Анастасия Бутина
Ответственный редактор Марина Скворцова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная вёрстка Валентина Бердника
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Ольга Золотова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.11.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,02. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-DBK-39643-01-R